

Ольга Погодина-Кузмина

ПОСРЕДИ ВЕНЕЦИИ

Рассказ



18+

И я жду его пять, десять минут, захожу в этот «Флоренти», там не протолкнусь, но его нигде нет, ни у стойки, ни в туалете. Я снова вышел на площадь и позвонил. Телефон выключен. И всё, понимаешь? Мы даже в тот день не ссорились, все было идеально.. Но я как-то вдруг сообразил – это всё!

Ольга Погодина-Кузмина
Посреди Венеции

«Ольга Погодина-Кузмина»

Погодина-Кузмина О.

Посреди Венеции / О. Погодина-Кузмина — «Ольга Погодина-Кузмина»,

«Лена как всегда просила денег, жаловалась на новые поборы в классе Никиты, на репетиторов, которые подняли цены после Нового года. Вместо ответа бывший муж начал зачитывать по телефону отрывки из книги Дейла Карнеги...» Рассказ, текст в авторской редакции.

Ольга Погодина-Кузьмина Посреди Венеции

Лена как всегда просила денег, жаловалась на новые поборы в классе Никиты, на репетиторов, которые подняли цены после Нового года. Вместо ответа бывший муж начал зачитывать по телефону отрывки из книги Дейла Карнеги: «Как оказывать влияние на людей». Он по-прежнему утверждал, что рано или поздно заработает свой миллион спекуляциями на бирже Форекс, хотя, кажется, сам перестал верить в это. Только закончив разговор, Лена почувствовала, что больше не чувствует ни злости, ни раздражения. Муж добился того, чего хотел. Они стали совсем чужими людьми, и теперь было даже неприятно вспоминать, что когда-то они вытирались одним полотенцем, занимались сексом, прижимались друг к другу открытыми губами, и его слюна проникала в ее рот.

Неожиданно и дружно пришла весна, небо словно поднялось над городом, грязные тряпки слежавшегося снега по обочинам исчезли, и Лена явственно ощутила, что и в природе, и в ее жизни все налаживается. Новая работа, совсем неплохая. Сын. Ей тридцать девять лет, выглядит она моложе, а в сорок жизнь только начинается, и воздух пахнет морем, а воробьи галдят от счастья, как школьники, отпущенные с последнего урока, опьяненные первым теплом.

Поддавшись всеобщему ликованию, в супермаркете она завернула в косметический отдел и взяла с полки дорогой омолаживающий крем в тяжелой стеклянной банке. А затем добавила к покупкам лосьон и средство от морщинок вокруг глаз. В очереди к кассам она еще раз осмотрела ловко упакованные косметические излишества, прочла инструкцию, в которой причудливо сочетались наукообразие и безоговорочный оптимизм. Одновременно она пыталась сообразить, чем же так заинтересовал её плешивый, полноватый мужчина, выкладывающий на ленту свой холостяцкий ужин – пачку пельменей, пакет сметаны, хлеб и бутылку водки.

Когда тот доставал из кармана кошелек, Лена снова взглянула на него. И тут же поняла, что лысеющий небритый выпивоха в мешковатой куртке – это Женька Буров, ее бывший одноклассник, школьный красавец, умница, спортсмен, заводила всех хулиганских демаршей, один умевший безнаказанно сорвать урок, довести до слез молодую учительницу или на спор закурить под партой.

Она отогнала досадливую мысль: «Неужели и я вот так же?..». Нет, это, конечно, не Буров. Что могло произойти, чтоб человек так изменился? Расплатившись у кассы, она решила догнать его и снова заглянуть в лицо – убедиться, что ошиблась. Выруливая с тележкой из дверей супермаркета, она увидела его удаляющуюся фигуру со спины и подумала, что только болезнь или большое горе могли так состарить мужчину, которому еще не было сорока.

– Киреева? – кашлянул Буров, когда Лена поравнялась с ним, и на секунду сквозь обвисшие черты сегодняшнего лица проступила тень прежнего. – Узнала всё-таки.

– Сразу узнала, – кивнула Лена. – Поэтому и догнала...

Буров молча смотрел ей в лицо. Почему-то смутилась, занервничала, поторопилась сообщить, что фамилия ее уже не Киреева, а Сивачева, что она работает в банке, воспитывает сына, с бывшим мужем сложно, но главное – сын. Что «наших» видит редко, но с кое с кем переписывается в «Одноклассниках». Английская школа, девочки повыходили замуж за рубеж... Он тоже постепенно оттаял, разговорился. Сказал, что окончил университет, увлекся экстремальной фотографией, путешествовал, пытался издавать свой журнал. Теперь вроде как свободный художник, везде и нигде, получил какой-то приз на международном фотоконкурсе, два года назад потерял маму. Лена посочувствовала абстрактно – ее мама еще крепко держалась за жизнь.

Им было по пути до перекрестка. Обсудили известных выпускников своей школы. Лена знала, что ничем не примечательный Дима Смирнов из параллельного класса теперь руководит крупным швейным производством, а другой троечник, Вадик Шашкин, занимает важный пост в администрации. Вспомнили толстого Борьку Штерна, всего на два года их старше, который стал мировой знаменитостью и теперь, по сообщениям телеканала «Культура», выступает с фортепианными концертами то в Карнеги-холл, то в Метрополитен-опера.

Конечно, хорошо бы собраться всем классом, чтобы каждый рассказал о себе. Но у всех хлопоты, семейные и рабочие дела, да и контакты потерялись во время переездов, а заниматься поисками в Интернете некогда, да и, может, уже ни к чему. Все же обменявшись телефонами, они расстались на автобусной остановке. Лена пошла к дому короткой дорогой, через трамвайные пути, думая, что незачем встречаться людям, запомнившим друг друга юными, и что напрасно купила дорожный крем, и как грустны все эти «рассказы о себе» – растерянные, хвастливые или безнадёжные.

Это слово «безнадёжность» как-то не уживалось с именем Женьки Бурова. И все же человек из прошлого был бесполезен в настоящем как вылетевший из стены квадратик мозаики, давно замененный новым, и вдруг случайно найденный под ванной годы спустя.

Но Буров, видимо, смотрел на вещи иначе. Чуть позже Лена поняла, что в ячейках его памяти она сохранилась фрагментарно – фамилия, лицо на выцветшей общей фотографии и эманация влюбленности, которая, впрочем, исходила на него тогда от каждой старшеклассницы.

Он позвонил через пару дней, в неприличное время, около двенадцати ночи. Лена как раз затеяла продолжительную одностороннюю ссору с сыном, и в телефонную трубку крикнула со злостью – «да, я слушаю!».

– Привет, – сказал Буров. – Поздно?

«Еще как, Женя, еще как поздно!», – отозвалась она мысленно, но вслух зачем-то горячо заверила, что все в порядке, что в доме никто не спит, и сама она обычно ложится не раньше часа или двух.

– А я подумал – может, ты приедешь в гости? – спросил он не очень уверенно. – Здесь недалеко. Поболтаем, выпьем чаю? Я тебе потом вызову такси.

В ней шевельнулась было радость польщенного самолюбия, но затем пришло недоумение. Если это попытка поухаживать – почему такая хамская? Разве непонятно, что с ней нужно по всем правилам: кафе, ресторан, хотя бы поход в кино. А вот так, сразу – разве она давала повод?

– Извини, – сказала она уже довольно сухо, – но мне, вообще-то, завтра на работу. И по дому ещё куча дел.

– Это ты извини, – его голос вдруг показался совсем прежним, бархатистым, чуть насмешливым. – Просто вспомнил нашу встречу, захотелось позвонить. Ты почти не изменилась. Только в лучшую сторону. Кстати, я говорил, что ты всегда мне нравилась? Даже сам не знаю чем.

– Ты что, Буров, приударить за мной решил? – хохотнув, брякнула она залихватским тоном, за который тут же мысленно отругала себя. – У тебя жена уехала на дачу?

– Нет, причем здесь дача? – ответил он потухшим, постаревшим голосом. – Просто хотел с тобой выпить. Давай я в пятницу позвоню. Я, кстати, не женат.

В пятницу Лена отпросилась с работы пораньше и успела в парикмахерскую, а потом домой – переодеться, быстро наложить макияж. Не для Бурова. Для настроения, для весны – убеждала себя, подкручивая ресницы, подбирая помаду в тон кофточки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.